

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЧАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ОЧУ ПСТГУ)**

На правах рукописи

Добрушина Екатерина Роландовна

**КОРПУСНЫЕ МЕТОДЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ
МИКРОДИАХРОНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII-XXI ВЕКОВ**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2022

Общая характеристика работы

В диссертации изложены результаты корпусных исследований различных единиц современного русского языка разных уровней и обобщены методы таких исследований в отношении микродиахронического анализа.

На данный момент в русистике разрабатывается концепция макропроцессов в языке, таких как грамматикализация, лексикализация, метафоризация, прагматикализация, смещение оценки в лексике, но немного известно о том, как развиваются эти процессы для конкретных единиц во времени. Особенно мало изучен вопрос о том, как ведут себя языковые единицы на небольших временных дистанциях, таких как сто, или пятьдесят, или десять лет. Микродиахронические процессы в современном русском до появления корпусных методик исследовались редко, более того, классические грамматики, как правило, описывают в качестве современного литературного язык русской классической литературы, то есть XIX века, оставляя за рамками внимания его соотношение с языком более ранних и более поздних периодов. Для того чтобы разобраться в процессах, проходящих в языке на небольших интервалах времени, необходимы корпусные исследования, которые начали входить в лингвистический обиход не более чем два десятилетия назад. Для русского языка на данный момент работ, описывающих его корпусными методами, немного, хотя в последние годы их число возрастает, а работы, посвященные корпусным методам исследования, на данный момент практически отсутствуют.

Термин **микродиахрония** означает здесь рассмотрение особенностей поведения языковых единиц на малых временных сегментах — от десяти до пятидесяти лет. Термин **современный русский язык** понимается так: исследуются языковые явления XXI века в их соотношении с собственной предысторией на протяжении 200-300 лет. **Корпусными** исследования

являются потому, что опираются на очень обширный языковой материал, полученный корпусными методами, дающими возможность статистических описаний. В первую очередь работа опирается на Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ), а также на Генеральный интернет-корпус русского языка (далее ГИКРЯ) и на «естественные корпуса» — весь массив текстов поисковых систем «Яндекс» и «Гугл».

Тема исследования

В данном исследовании в области морфемной семантики анализируется развитие многозначности корня *благ-*, интересного энантиосемией; связанного корня *-каз-* и русских глагольных приставок: например, с опорой на представления о единой семантике приставок *по-* и *об-* обсуждается история глагола *покрестить*. В области формообразования рассматривается, во-первых, история попытки вхождения в язык и дальнейшего вытеснения за счет требований нормы притяжательного местоимения третьего лица *ихний*. Во-вторых, анализируется трансформация деепричастий от образующихся двумя разнотипными суффиксами от глаголов любого вида к системе, в которой выбор суффикса зависит от вида глагола. В-третьих, рассматривается судьба уходящих из языка форм деепричастий с суффиксом *-вши*. Наконец, рассмотрено морфологическое явление, активизировавшееся в 2021 году, — языковая игра с ненормативным окончанием *-ов* для существительных женского рода (*рыбов, собаков* и др.). В области лексики рассматривается, во-первых, микродиахроническая история семи идиоматизированных сочетаний, приобретших сейчас кванторные значения (*постольку-поскольку, будь здоров, малая толика* и др.), формирование которых описывается как подвид грамматикализации. Во-вторых, изменение семантики религиозных лексем, обусловленное отходом от религиозного

восприятия мира в XIX веке, затем частичным запретом на подобное восприятие в XX веке — на советском этапе — и возвращением к нему в постсоветское время. На стыке формообразования и синтаксиса анализируется выбор для функции сказуемого полной или краткой формы прилагательного, относящегося к семантическому типу «цвет» (*цветок алый / ал*). Наконец, в области синтаксиса описывается соотношение с нормой в течение 300 лет и вхождение в современный язык вопреки норме абсолютного деепричастного оборота (*Прочитав книгу, она оказалась скучной*). Таким образом, данная работа объединяет микродиакронические исследования семантического и грамматического движения единиц разных уровней — морфемного, морфологического, лексического, синтаксического, — обобщает и систематизирует их результаты с тем, чтобы сделать выводы о методах и перспективах микродиакронических исследований русского языка трех последних веков.

Актуальность исследования определяется тем, что корпусное описание русского языка в настоящее время отвечает насущным потребностям русистики, помогая систематизировать представления о течении макропроцессов и о языковой вариативности. Также подобное описание значимо потому, что позволяет обосновать и скорректировать позиции русистики, связанные с определенными ненормативными единицами, подлежащими кодификации.

Научная новизна исследования обусловлена малой изученностью единиц русского языка корпусными микродиакроническими методами, а также тем, что многие исследованные единицы, рассмотренные в диссертации, ранее не исследовались вовсе, а те, которым посвящены какие-либо работы, ранее никогда не рассматривались в микродиакронии.

Методологическую основу исследования составляют филологические методы исследования, в первую очередь корпусные и микродиахронические. Один из основных методов, применяемых в данном исследовании, — **описательный** — необходим, чтобы дать характеристику конкретному явлению. Для этого производится анализ, классификация и обобщение найденных примеров, а затем выделяются характерные особенности и устанавливаются закономерности функционирования изучаемых единиц. Таким образом, внутри описательного метода в первую очередь используется контекстный и категориальный синхронный анализ. **Корпусный** метод требует анализировать описываемые единицы на очень большом объеме текстовых материалов и обрабатывать их **статистическими** методами. Особенностью корпусной методологии является широкое использование корпусных датировок и количественных данных, позволяющих сопоставить частотность различных вариантов исследуемых единиц, чтобы сделать выводы об их микродиахронических трансформациях. **Микродиахронический** метод предполагает рассмотрение корпусных языковых данных, с одной стороны, на определенных временных интервалах, с другой стороны — в текстах определенных авторов (при детальном рассмотрении также разбитых на временные интервалы) и в текстах определенных типов речи. В рамках микродиахронических методик в работе впервые вводится «**нанодиахронический** метод», ставший возможным только в XXI веке благодаря появлению «естественных корпусов» — поисковых интернет-систем; этот метод предполагает анализ употребления языковых единиц на очень кратких временных интервалах, таких как год или даже месяц.

Цели и задачи исследования.

Первоначальная практическая цель исследования — описать современными методами определенные ранее не исследованные единицы

русского языка разных уровней, интересные тем, что порождают вариативности или ненормативность. Теоретическая цель настоящего диссертационного исследования — установить, какие закономерности микродиахронического развития единиц русского языка словообразовательного, морфологического, лексического и синтаксического уровней доступны для описания при корпусном анализе данных и каковы основные методики микродиахронических исследований таких единиц. Задачи, определенные исследовательскими целями, можно сформулировать следующим образом:

— создать корпусное микродиахроническое описание нескольких разнотипных единиц словообразовательного уровня (энантиосемический корень *благ-*, связанный корень *-каз-*, глагольные приставки);

— создать корпусное микродиахроническое описание нескольких разнотипных единиц формообразовательного уровня (ненормативное притяжательное местоимение третьего лица, ненормативные по соотношению вида и суффикса деепричастия, невозвратные деепричастия с суффиксом *-вши*, ненормативные отглагольные компаративы, ненормативные игровые формы существительных с окончанием *-ов*);

— создать корпусное микродиахроническое описание нескольких разнотипных единиц лексического уровня (фразеологизованные единицы с кванторными значениями; лексемы, смещающие оценочный компонент значения при переходе из религиозного дискурса в секулярный);

— создать корпусное микродиахроническое описание нескольких разнотипных единиц синтаксического уровня (краткие формы прилагательных цвета, абсолютивные деепричастные конструкции);

— сделать выводы о достоверности и возможностях корпусных микродиахронических методов исследования разноуровневых единиц русского языка XVIII-XXI вв.;

— сделать выводы о классификации вариативных и нестандартных единиц разных типов;

— сделать выводы о методах сбора материала при изучении нестандартных грамматических форм, функционирующих в интернет-текстах;

— сделать выводы о методах работы с современными интернет-текстами, дающими возможность «погодного» и даже «помесячного» отслеживания развития в языке определенных явлений.

Положения, выносимые на защиту

1. Корпусные исследования на основе лингвистических и естественных поисковых систем позволяют обнаруживать и подвергать статистическому и микродиахроническому анализу такой материал русского языка, который был труднодоступен для докорпусной лингвистики, поэтому многие данные некорпусных описаний и нормативные рекомендации должны быть перепроверены в современных работах. С другой стороны, корпусное исследование дает возможность определить наличие и частотность исследуемых единиц в конкретный период, но не их нормативный статус, поэтому такое исследование необходимо сопровождать материалами грамматик и метатекстовых обсуждений современниками.

2. Корпусные микродиахронические исследования эффективно описывают вариативные и нестандартные единицы разных типов и позволяют выделить основные виды вариативных нормативных форм: (1) «свободная несистемная вариативность»: равнонормативные варианты сосуществуют без какого-либо распределения (пример: *прислонившись* — *прислонясь*); (2) «свободная системная вариативность»: выбор равнонормативных вариантов порожден потребностями системы (пример: выбор полной и краткой формы в позиции сказуемого); (3)

«архаизированная вариативность»: порождается вытеснением из языка единиц определенного типа и сохранением их как стилистически выделенных или фразеологизованных (пример: деепричастия на *-вши* — *снявши*).

3. Корпусные исследования позволили выделить основные виды ненормативных форм: (4) «системная аномативность»: варианты, противопоставленные как кодифицированный и «неправильный», порождены грамматическими системными факторами (пример: абсолютный деепричастный оборот); (5) «семантическая аномативность»: некодифицированные формы порождены потребностями семантики (пример: **покреститил сына*); (6) «игровая аномативность»: некодифицированные формы осознанно создаются носителями языка ради выразительности (пример: *собаков и кошек*); (7) «случайная аномативность»: не владеющий нормой носитель при произвольном выборе предпочел неверный вариант (пример: *крававый дуэль*).

4. Микродиахронические корпусные исследования разнотипных единиц показали, что для многих языковых явлений удобно деление на заранее постулированные этапы, связанные с воздействием на язык глобальных внешних историко-культурных обстоятельств. Удобен оказался вариант разбиения XVIII-XXI веков на пять этапов: (1) этап зафиксирован в первой системной кодифицирующей грамматике — грамматике М. В. Ломоносова; (2) авторы большей части письменных текстов — носители дворянской культуры, чья речь подвержена влиянию французского; (3) формирование разночинской культуры, одновременно и наследующей дворянскую культуру и отталкивающейся от нее; (4) значимое влияние на язык советской нормативизирующей традиции; (5) частичное высвобождение речи от давления кодификации и формирование «устно-письменного» языка рунета.

5. При исследовании нестандартных образований значим метод «грамматического генерирования», состоящий в конструировании потенциальных форм (начиная с производных от самых частотных слов заданного класса), чтобы проверить их наличие в языке. Этот метод дал новые результаты в изучении распространенных в современном устно-письменном языке интернета игровых анормативных вариантов.

6. При исследовании языковых явлений XXI века, отраженных в текстах рунета, становится возможна и интересна, хотя и очень трудоемка «нанодиахроническая» методика — отслеживание изменений в языковых явлениях по годам и иногда даже по полугодиям и месяцам. Эффективно исследовать этим методом возможно единицы, отличающиеся по формальному облику от других: неологизмы и необычные по морфемному составу формы слов.

7. Анализ русских глагольных приставок корпусными методами показал, что высокой объяснительной силой обладает теоретический подход, предполагающий семантическую целостность приставки. Все значения одной приставки описываются как порожденные взаимодействием одной и той же абстрактной семантики приставки с семантикой глагольной основы. Выдвигаемые гипотезы о значениях пяти семантически непрозрачных приставок (*вы-*, *у-*, *по-*, *о-/об-*, *из-*) помогают выявить различия между очень близкими синонимами с разными приставками, объяснить выбор глаголами с определенной семантикой конкретной приставки как чистовидовой, дать трактовку микродиахроническим процессам смены частотности приставочных и бесприставочных употреблений глагольной основы.

8. Анализ микродиахронических процессов превращения различных сочетаний в кванторные, то есть процесса конструкционализации словосочетаний и предложно-падежных групп в грамматикализованном значении показал значимость прецедентного текста как толчка для начала

процесса и мотивированность каждого этапа развития конструкции. Язык перестраивает конструкцию так, чтобы морфология, а иногда также фонетика и орфография совпали с уже имеющейся в языке устойчивой корреляцией между синтаксической структурой и некоторым значением.

9. В области лексики корпусный анализ позволяет делать выводы о таких сдвигах значений, которые трудно описывать докорпусными методами. В частности, микродиахронические исследования дали интересные результаты в области религиозной лексики, так как именно она подвергалась сложным процессам из-за историко-социальных причин: в эпоху возрастающего атеизма активно шел процесс смещения значения ассоциируемых с религией лексем в сторону иронического оценочного употребления, а в период возрождения значимости религии, напротив, возникла потребность оживления первоначального значения и в религиозных текстах стали распространены метаобсуждения смысла лексем с опорой на словообразовательную мотивированность.

Научно-практическая значимость диссертации состоит в том, что она обогащает знания о многих вариативных и ненормативных единицах русского языка и о методах корпусных микродиахронических исследований русского языка. Весьма важной представляется также **практическая значимость** диссертации как содержащей информацию, которую смогут использовать другие исследователи-русисты при освоении корпусных микродиахронических методов. Выявленные в ходе исследования особенности употребления проанализированных единиц могут быть использованы в курсах синтаксиса, морфологии и словообразования русского языка, в преподавании практического курса русского языка. Также результаты, касающиеся ненормативных единиц, значимы при составлении кодифицирующих предписаний в учебниках высшей и средней школы, грамматиках и словарях.

Апробация

Научные результаты, полученные в ходе работы над диссертацией, докладывались на международных и внутрисоссийских конференциях по лингвистике, таких как:

— Диалог (Dialog). Computational Linguistics and its Applications. International Workshop. 2000, 2001 гг.;

— Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik: 5 Internationale Konferenz der Kommission für Slavische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee / Swetlana Mengel (Hrsg.). — Munster; London; Hamburg: LIT, 2002 г.;

— Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Секция русистики. 2009, 2020, 2021, 2022 гг.;

— Международная конференция «Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры». 18-20 июня 2009 г.;

— IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык. Исторические судьбы и современность». Филологический факультет МГУ им. Ломоносова. Москва. 20-23 марта 2010 г.;

— Международная конференция «E1'Manuscript-12. Информационные технологии и письменное наследие», Петрозаводск, 3-8 сентября 2012 г.;

— Международная конференция «Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики», Санкт-Петербург, 9-12 апреля 2013 г.

Кроме того, результаты исследования отражены в трех монографиях, две из которых в соавторстве (полные данные см. в списке, помещенном в конце резюме), опубликованные в 2001, 2014, 2018 гг. Первая из

монографий за истекшие годы стала часто цитируемым исследованием по проблемам теоретического подхода к семантике русских приставок.

По теме диссертации автором также были изданы многочисленные статьи в международных и отечественных периодических изданиях, в том числе индексируемых в Scopus.

Структура работы

Работа состоит из введения, четырех глав, посвященных разным уровням русского языка: словообразовательному, формообразовательному, лексическому и синтаксическому — и заключения. Список использованной литературы включает более трехсот наименований публикаций.

Основное содержание работы

Во **Введении** формулируются положения, выносимые на защиту, обосновываются актуальность диссертации, ее новизна, теоретическая и практическая значимость, описываются научные работы в области корпусных исследований и микродиахронии, а также в других значимых для данного исследования областях языкознания.

Работа **опирается на** исследования микродиахронических процессов в русском языке в докорпусную эпоху — в первую очередь на классические работы по русистике Л. А. Булаховского, В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой, рассматривающие изменения языка в XIX веке и первой четверти XX века. Также методологической основой корпусной микродиахронической работы с языком служат работы современных исследователей. Во-первых, это работы В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, Т. И. Резниковой, М. А. Бородиной и др., посвященные созданному под руководством Е. В. Рахилиной специальному корпусу языка XIX века, размеченному с точки зрения отличий языка текстов от современного. Во-вторых, важны работы Н. Р. Добрушиной и М. А. Даниэля, исследовавших

корпусными методами историю двадцати русских слов за 200 лет, и И. Б. Левонтиной, описавшей сдвиги в понимании лексем, произошедшие в конце XX века. В-третьих, О. Е. Пекелис в ряде работ описала микродиахронические сдвиги в синтаксическом и синтактико-прагматическом поведении ряда языковых единиц. В-четвертых, учтены данные проекта «Русграм», опубликованные в трех томах «Материалов корпусной грамматики русского языка» авторства Г. И. Кустовой, А. Б. Летучего, Е. В. Падучевой, О. Е. Пекелис, С. С. Сая, Д. В. Сичиной, М. А. Холодиловой и др. Кроме того, значимы корпусные исследования конкретных единиц русского языка А. А. Бонч-Осмоловской, О. В. Ляшевской, С. О. Савчук. Также хотелось бы упомянуть работы участников спецсеминара кафедры славистики ПСТГУ под руководством автора диссертации, в рамках которого сформирована группа исследователей, в том числе аспирантов и студентов, занимающихся анализом микродиахронических изменений в устно-письменной речи интернета на базе естественных корпусов и ГИКРЯ — Е. О. Борзенко, М. И. Сидоровой, А. П. Вяльсовой и др.

В западной лингвистике, как и в русистике, корпусная микродиахрония лишь начинает развиваться. Методология корпусных исследований значима в первую очередь для исследований М. Хилперта и Е. Голдберг, для которых корпусная микродиахрония прежде всего связана с применением методов Грамматики конструкций. Теория Грамматики конструкций к настоящему моменту сформирована, произошло это на рубеже веков на основе работ Филлмора, Голдберг и Крофта. Одной из важнейших идей этой теории в отношении конструкций является их некомпозициональность: семантика цельного не складывается однозначно из смысла частей и отношений между ними. Став популярной в русистике, теория Грамматики конструкций по мере развития корпусных методов исследования русского языка стала одним из основных факторов появления

микродиахронических методов в современных работах русских исследователей, перечисленных выше.

Помимо корпусной микродиахронии важнейшими затронутыми областями оказываются русские глагольные приставки, проблемы вариативности, проблемы языковой нормы и специфика языка русского интернета. При описании русских глагольных приставок для автора в первую очередь важны работы М.А. Кронгауза, Д. Пайара, Л. Янды. В отношении исследования грамматической вариативности невозможно переоценить значимость монографии «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов», в которой зафиксированы данные по вариативности на 1976 год. В теоретических проблемах соотношения кодифицированной нормы с отклонениями от нее работа опирается на исследования Л. П. Крысина, А. Мустайоки и В. А. Ицковича. В области изучения языка русского интернета важны работы М. А. Кронгауза.

Первая глава «Методы корпусного микродиахронического описания единиц словообразовательного уровня» состоит из трех разделов и заключения.

Первый раздел первой главы посвящен обсуждению семантики несоставных слов современного русского языка с корнем *благ-* (*блаж-*). В дискуссии с описанием И. Б. Левонтиной, определяющей в «Словаре синонимов» *добро* как абсолютное понятие, а *благо* как относительное, уточняется семантическое соотношение слов *добро* и *благо*. Сделан вывод, что слова *добро* и *благо* в основных значениях соответствуют абсолютным, а никак не относительным понятиям, а основное различие их значения связано с тем, что *добро* свойственно человеку, тогда как *благо* — Богу. Микродиахроническим методом показано, как трансформировалась на

протяжении последних столетий семантика корня, в первую очередь ее оценочный компонент.

Второй раздел первой главы посвящен описанию связанного корня *-каз-*. Исследования, проводившиеся в соавторстве с Дени Пайаром, были связаны с описанием определенных приставочных глаголов: исходя из выработанных семантических характеристик изученных приставок, рассматривалось взаимодействие «приставка — бесприставочная глагольная основа» с целью показать, что значение (или значения) конкретного приставочного глагола может быть описано как результат семантического взаимодействия бесприставочной глагольной основы и приставки. Центральная гипотеза заключается в том, что семантические вклады в формирование значения приставочного глагола бесприставочной глагольной основы с одной стороны и глагольной приставки с другой вполне возможно разделить и идентифицировать, даже когда корень связанный и его собственная семантика не так очевидна, как для свободных корней. Целью раздела является демонстрация того, что все значения обсуждаемых глаголов являются результатом взаимодействия глагольной основы *-каз(ать)* и приставок *по-*, *до-* и *от-*. В раздел включено краткое корпусное описание истории корня в последние три столетия, позволяющее показать, что, вопреки принятому мнению, специфика корня скорее идет от русского языка, чем от церковнославянского.

Третий раздел первой главы посвящен проблеме описания семантики глагольных приставок. Русские глагольные приставки весьма многозначны, и в то же время хочется считать, что за всем множеством употреблений отдельной приставки скрывается нечто семантически единое. Начиная с 80-х годов XX века разные исследователи с различных позиций описывали семантику приставок в поисках таких формулировок, которые позволили бы обосновать это в общем-то интуитивное ощущение.

За прошедшее сорокалетие общепринятой позиции выработано не было, более того, применение к приставкам термина «инвариант» скорее не вызывает доверия. Так, анализируя толкования, предложенные в монографии Е. Р. Добрушиной и Д. Пайара, Ю. П. Князев делает вывод о том, что в отношении «простоты перехода от инварианта к реальным употреблениям» и наоборот приставки сильно различаются между собой. Например, связь между инвариантом и употреблениями достаточно прозрачна для *от-*, но не для *при-*. Если «невозможно предсказать, какие конкретные ситуации могут быть подведены под такой инвариант, а какие не могут», «это фактически означает», что у такой приставки «нет семантического инварианта».

Истоки семантического единства приставок скрыты глубже, чем компоненты лексического значения глаголов. Трудно спорить с тем, что инвариантного значения приставок не существует, если понимать инвариант как семантический компонент того же уровня абстракции, что используемые при толкованиях глаголов. Ясно, что нет такого смыслового компонента, который входил бы в значение каждого (или даже большинства) глаголов с одной и той же приставкой. Значение приставочного глагола является результатом сложного взаимодействия нескольких семантических абстракций, причем абстракций заведомо более глубокого уровня, чем уровень толкований слов. Поэтому прозрачной связи между семантической основой приставки и семантикой глагола, в который она входит, ожидать не приходится: по сути, такой связи нет ни для одной приставки. Например, даже для приставки *от-*, одной из самых семантически простых, вряд ли возможно предсказать, что компонентом «потеря связи» будут порождены употребления *отомстить* и *отцвести*. С другой стороны, для предсказания того, что при глаголе перемещения для значения «недалеко от» нужна приставка *от-*, а для «близко к» — *при-* достаточно традиционного деления приставочных глаголов на группы по

типу смысла. Несмотря на все это, представление о едином абстрактном значении приставки, если его не упрощать, научно значимо, потому что порождает модель, обладающую объяснительной силой в области глагольной семантики.

Итак, семантические описания имеют практическое применение не в предсказании, а в объяснении. Семантическая абстракция, определяющая смысловое единство употреблений приставок, существует, хоть и не является инвариантом как таковым, если толковать это понятие прямолинейно. К сожалению, даже удачное описание такой семантической основы не даст возможности предсказать значения большей части порождаемых приставкой глаголов. И все же понимание целостного абстрактного значения приставки дает возможность объяснить многочисленные тонкости семантического поведения глаголов. Так, глаголы *помыть* и *вымыть* в словарях толкуются друг через друга, а толкования *ждать* и *ожидать* полностью повторяют друг друга. Но корпусное исследование покажет, что статистически типы контекстов у синонимичных глаголов разные. Работающее описание семантики приставок *вы-*, *по-* и *об-* должно объяснять, почему в некоторых ситуациях один из двух синонимичных глаголов предпочтительнее другого.

Приставки можно разделить на семантически более и менее прозрачные. Более прозрачные, то есть со значениями, легче поддающимися описанию на естественном языке и поэтому легче осознаваемыми, это *от-* («потеря связи»), *до-* («финальный этап», *про-* («интервал») и *пере-* («две позиции»). Непрозрачные — это, например, *за-*, *на-*, *с-*, и *при-*. Вот конспективные примеры описаний четырех «непрозрачных» приставок:

— *вы-* («модельный результат»): развитие процесса специфично и приводит к сложному для достижения результату из спектра тех, на которые

направлено (ср.: *выработать, вытанцевать* — надо *работать / танцевать* очень специально);

— *у-* («побочный результат»): достигается не тот результат, на который нормативно направлено действие (ср.: *уварить, ушить* — *варят / шьют* для создания, а не для изменения размера);

— *по-* («вовлеченность во время»): фиксируется протекание во времени безотносительно к итогу (ср.: *почитать, помыть* — *читать / мыть* имело место, а результат не обсуждается);

— *об-* («периферийное воздействие»): действие связано лишь с периферией, но не с сутью чего-либо (ср.: *обдернуться, оговориться* — *дергать / говорить* телом, но не по воле и желанию).

Наиболее яркие проявления объяснительной силы **целостной абстрактной семантики** приставок:

1. Выявление различий между синонимами. Так, соотношение *помыть* и *вымыть* легко выводится из приведенных толкований. Ср.: *Сейчас же вымой руки!* как команда ребенку и *Вот здесь вы можете помыть руки* как предложение гостям.

2. Объяснение причин выбора глаголами или группами глаголов с определенной семантикой конкретной приставки как «чистовидовой». Так, глаголы «сделаться X или похожим на X, где X обозначено корнем» (*деревенеть, сатанеть* и др.) выбирают приставку *о-* потому, что суть объекта преобразованию не подвергается (*одеревеневшее* не является *деревянным*).

3. Объяснение выбора приставки для основ, не имеющих бесприставочных глаголов, но выбирающих ровно одну приставку. Так, выбор *у-* для *уменьшить, увеличить* определяется тем, что для *у-* неважен способ действия: результат все равно побочный, то есть отличный от основного целеполагания.

4. Выявление семантических различий бесприставочного и приставочного синонимов несовершенного вида при отсутствии глагола совершенного вида с той же приставкой. Так, соотношение *ждать* — *ожидать* определяется тем, что *ожидать* говорит о внешнем аспекте процесса — интеллектуальном, оставляя за кадром эмоциональную составляющую: *ожидать* естественнее использовать, когда или вероятность осуществления велика, или осуществление не очень значимо и поэтому состояние субъекта менее эмоциональное.

Вторая глава «Методы корпусного микродиакронического описания единиц морфологического уровня» состоит из пяти разделов и заключения.

Первый раздел второй главы посвящен микродиакронической истории соотношения притяжательного местоименного прилагательного *ихний* с литературным русским языком. Слово *ихний*, находящееся за рамками литературного языка, в XXI веке все чаще появляется в речи носителей, в целом соблюдающих литературную норму, и все меньше «режет ухо» каждому следующему поколению. В разделе представлен обзор того, как функционирует эта лексема в художественных и публицистических текстах с XIX века до наших дней, цель которого в исследовании ее взаимоотношений с нормой в двух ее измерениях — как кодификации и как узуса. Показано, что в XXI веке слово стало общеизвестным маркером неграмотной речи, но, несмотря на это, регулярно используется культурными людьми или в рамках языковой игры, в мысленных кавычках, или со смещенным, непрямым значением — относительным, а не притяжательным.

Также, в основном на материалах Параллельного корпуса НКРЯ и традиционных грамматик показана история взаимодействия этой русской лексемы с аналогами в других восточнославянских языках. К настоящему моменту исследуемая форма приобрела в украинском и белорусском свой

собственный статус. В украинском литературном языке *їхній* появилось позже, чем в русском, но постепенно вытеснило форму *їх*, превратилось фактически в единственный нормативный вариант. В современном белорусском *іхні*, хоть часто и характеризуется в лингвистической литературе как разговорное, широко и, по-видимому, без стилистической окраски употребляется и в письменных текстах, по крайней мере в художественных и публицистических.

Для современного языка ненормативность формы *їхній* в прямом притяжательном значении (*їхній сын*) относится к «системной аномативности». В относительном значении «чужое», «иностранный» (*їхня кухня*) форма находится между «семантической» и «игровой» ненормативностью. Поэтому в относительном значении *їхній* гораздо более устойчиво в культурной речи.

Второй раздел второй главы посвящен рассмотрению употребления «нестандартных» деепричастий типа **видев* и **увидя*, то есть обладающих неестественным для современного языка сочетанием характеристик «вид» и «время». Сделаны нижеследующие выводы.

Широко использовавшиеся в XIX веке деепричастия от глаголов несовершенного вида на *-в*, *-вши* типа **видев* сейчас практически не употребляются, ни с отрицанием, ни без оно, кроме стилистически нейтральной формы *читав*, фразеологизованных, стилистически выделенных и предпочитающих отрицание форм *евши*, *тивши*, *спавши* и умеренно популярной в разговорной (возможно, даже в сниженной) речи, формы *быв*. Несколько более активно некоторые из таких деепричастий, в частности *видев* и *слышав*, используются в религиозных текстах, часто представляя собой непрямую цитату из синодального перевода Библии. Таким образом, эти деепричастия в современном языке представляют собой отдельные сохранившиеся по разным причинам внесистемные формы,

когда-то входившие в гораздо более обширный грамматически «живой» системный тип. Их можно причислить к «архаизированной вариативности».

Деепричастия совершенного вида с суффиксом *-а*, употребляющиеся в языке последних десятилетий, удобно разделить на следующие четыре группы, перечисляемые здесь от употребляющихся свободно к постепенно вытесняемым. (1) В настоящее время нормативными и абсолютно вытеснившими аналоги с суффиксом *-ши* являются деепричастия совершенного вида на *-а* от глаголов на *-ти*, например *привезя, выйдя, приведя, произнеся, приобретя* и др. Изредка появляющиеся в современных текстах формы типа *вышедши* относятся к «архаизированной вариативности», сближаясь по стилистическому статусу с невозвратными деепричастия на *-вши* (*подумавши*). (2) Нормативным и устойчивым является использование деепричастий совершенного вида на *-а* во фразеологизованных сочетаниях *положа руку на сердце, сложа руки* и *не спросясь*, а также использование *помолясь* и *благословясь* в сочетании с *начать* и в других близких по значению контекстах. Во всех остальных фразеологизмах нестандартные деепричастия к настоящему моменту практически вытеснены стандартными. Перечисленные формы относятся к «архаизированной вариативности». (3) Также нормативными и используемыми наравне с аналогичными на *-вши-*, разве что немного пореже, стали деепричастия от возвратных глаголов второго спряжения, такие как *возвратясь, наклонясь, облокотясь* и др. Это «свободная несистемная вариативность». (4) Несколько разрозненных деепричастий совершенного вида на *-а* продолжают использоваться до сих пор, но много реже своих стандартных аналогов; видимо, они постепенно, но неуклонно вытесняются. В качестве нейтральных и относительно частотных форм используются *увидя* и *завидя*; в качестве устаревающих, воспринимающихся скорее ненормативно, продолжают использоваться

деепричастия *заметя, уставя*. Это также «архаизированная вариативность».

Третий раздел второй главы посвящен микродиахронической истории невозвратных деепричастий с суффиксом *-вши*, таких как *подумавши*. Сделаны выводы о том, что *вши*-формы в наше время, конечно, гораздо более редки, чем полтора века назад, существуют на периферии языка, но сохраняются. Неверно, что они используются лишь во фразеологизованных конструкциях (*снявши голову*) или в качестве архаизмов. Возможно, с середины XX века они начали уходить, но сейчас, на основе общего освобождения речи в интернет-текстах XXI века, вернулись, имеют свою нишу, связанную со стилистической выделенностью и даже языковой игрой, и вновь живы. С другой стороны, многими представителями поколения, родившегося в нашем веке, *вши*-формы воспринимаются как странные, ненормативные, ошибочные, примерно как произношение слова *дождь* с одной долгой мягкой согласной фонемой в конце. Уникальным статусом обладает в современном языке форма *выпивши*, сохраняющая признаки не деепричастного, а финитного употребления. В современном языке *вши*-формы находятся на границе «архаизированной вариативности» с «игровой анормативностью».

Четвертый раздел второй главы посвящен игровым формам, используемым в устно-письменном языке интернета — компаративам, образованным от глаголов, таким как *люблее, хотее* или *ждее* (*жду ждее всех*). Формы от глаголов *любить* и *хотеть* к 2017 году многократно встречались в интернет-текстах разных носителей языка. Привлекательность этих форм в том, что они весьма успешно отвечают потребности носителей языка в постоянном изобретении все новых и новых, пусть ненормативных, средств выразительности для передачи экспрессивных, гиперболических значений. В 2017 году хотелось предположить, что в течение одного-двух десятилетий *люблее* и *хотее*

войдут в разговорный регистр устной и письменной речи культурных носителей языка, склонных к речевым инновациям и языковой игре. Но это ожидание, по-видимому не оправдалось: по современным данным, отглагольные компаративы не прижились, фразеологизмов *люблее люблю* и *хотее хочу* в языке не возникло. Другие, также нестандартные и совершенно ненормативные, но все же неотглагольные компаративы в интернет-речи сохраняются. В первую очередь это *звездее* и *центрее*. Все формы этого типа относятся к «игровой анормативности».

Исследование потребовало разработку метода, позволяющего найти в интернете необычные формы определенного типа, о существовании которых исследователь не знает, и в результате было введено понятие «грамматическое генерирование», обозначающее конструирование потенциальных форм.

Пятый раздел второй главы посвящен рассмотрению нестандартного употребления окончания существительных *-ов* для слов женского и среднего рода (*продавать рыбов*), ставшего популярным в языке рунета в 2021 году. Конкуренция в родительном и одушевленном винительном нулевого окончания с *-ов*, возникнув в древнерусском языке как результат смешения двух склонений, в современном языке привела к победе *-ов* (*нет столов, домов*) при сохранении нулевого окончания для некоторых групп (*нет англичан, мальчишек*) и вариативности в разговорной речи для ряда слов (*нет помидоров / помидор*), причем нулевой вариант в XXI веке явственно уступает позиции «*ов*-формам». Под влиянием «вирусного» мема о разговоре котов с продавцом с лета 2021 года стала распространена языковая игра, состоящая в намеренном присоединении *-ов* к «неподходящей» основе: *рыбов, книгов, деньгов* и т.д. Подобная языковая игра существовала издавна (например, традиционное ироническое подражание просторечью *делов-то*), но в качестве редких отдельных шуток, а в 2021 году она стала частотна, популярна, используется во

множестве мемов и в рекламе, ассоциируется с темой «котиков» и определенным мировосприятием. «Язык котиков» начал превращаться в новое лингвокультурологическое явление, по степени узнаваемости сравнимое с олбанским языком, или языком падонков, пик популярности которого пришелся на середину двухтысячных. Теперь вместо свойственного олбанскому искажения орфографического облика слова (*аффтар*), отсылающего к идее протеста, меняется грамматическая форма, отсылая к идее тихого умирительного смирения перед несправедливостью жизни.

Невероятно возросшая в текстах интернета частотность игрового использования несуществующих падежных форм определяется следующими причинами: на фоне общей тенденции к грамматической унификации имеет место экспансия окончания *-ов* в литературный язык; запутанная ситуация с распределением окончаний в литературном языке делает окончание *-ов* удачным кандидатом на языковую игру; окончание *-ов*, присоединяясь к существительным женского и среднего рода, в том числе вещественным и собирательным, меняет род, превращает неодушевленное в одушевленное, привносит семантику отдельности составляющих объектов, чем создает устойчивую связь с темой детей и антропоморфных домашних животных, точнее с темой трогательности и умиления; будучи однозначно ассоциируемой с конкретным вирусным мемом, игровое *-ов* отсылает к определенной социокультурной позиции — приятию недостижимости жизненных благ, готовности не потреблять, а любоваться.

Все формы этого типа относятся к «игровой аномативности», перерастающей в «эпратическую аномативность», то есть общепринятую в определенном сообществе как связанную с некоторой социокультурной позицией.

Исследование потребовало рассмотрения статистики этих *ов*-форм на интервале года (с мая 2021 по май 2022), что привело к введению термина «нанодиахрония», обозначающего метод рассмотрения изменений в употреблении языковой единицы на интервале года или даже месяца. Этот метод стал возможен по отношению к единицам с нестандартным обликом, изучаемым на материале «естественных корпусов».

Третья глава «Методы корпусного микродиахронического описания единиц лексического уровня» состоит из трех разделов и заключения.

Первый раздел третьей главы посвящен микродиахроническому описанию истории семи разнотипных выражений, первоначально не имевших отношения к количественности, но постепенно совершивших переход в квазиграмматическую квантификативную зону. При описании каждого из семи выражений учтено: (1) современное состояние кванторного слова или выражения; (2) отражение этого квантора в словарях; (3) описание единицы, от которой произошел квантор; (4) отслеженная корпусным методом история становления квантора; (5) сочетаемость и семантика кванторной единицы в современном языке; (7) признаки лексикализации квантора. Описано два предикатива (*будь здоров* и *как грязи*), четыре наречия и наречных выражения (*децл, постольку-поскольку, сверх меры, на редкость*) и одно количественное существительное (*толика*), при этом три квантора оказались кванторами малого количества, а четыре — большого.

Анализ процессов превращения различных сочетаний в кванторные, то есть процесса конструкционализации словосочетаний и предложно-падежных групп в грамматикализованном значении показал значимость прецедентного текста как толчка для начала процесса и мотивированность каждого этапа развития конструкции тем, что язык перестраивает ее так, чтобы морфология, а иногда и фонетика и орфография совпали с уже

имеющейся в языке устойчивой корреляцией между синтаксической структурой и некоторым значением. Так, родившееся из церковнославянского местоимения, использовавшегося в русском до 1820 года, существительное *толика* закрепилось в сочетании *малая толика* благодаря басне 1805 года, что оказалось стартовым толчком к возникновению крылатого выражения, обозначавшего якобы малую выгоду, затем басня, а позже и конкретное значение были забыты, появилась вариативность прилагательного, что послужило конструкциализации в количественном значении, затем значение конструкции передалось существительному, оно высвободилось из идиомы, стали возможны все падежи, из-за ассоциаций с *только* и количественными диминутивами сместилось ударение и в современном узусе оно используется как самостоятельный квантор типа *капелька* («*удели мне хотя бы толику*»).

Второй раздел третьей главы посвящен описанию семантических свойств религиозной лексики. Ее особенностью является то, что многие входящие в нее единицы регулярно используются в неспециализированных (ненаучных и нерелигиозных) контекстах в переносных значениях, содержащих оценочный элемент. При этом первоначальным значением является именно религиозное: в бытовую речь эти лексемы попали из отнюдь не бытовой сферы. В разделе проанализированы употребления нескольких подобных слов, в частности *догма*, *догмат*, *акафист*, *альтруист*. Такой анализ представляется интересным как сам по себе, так и потому, что возникают два вопроса. Проявляется ли в факте придания отрицательной оценки словам, первоначально обозначавшим нейтрально или даже позитивно оцениваемые религиозные понятия, религиозный нигилизм, переход на атеистическое мировосприятие? Существуют ли какие-то семантические элементы, входящие в состав значения лексем философской и религиозной сфер, наличие которых влечет их освоение

нейтральной речью как содержащие оценочные коннотации? Значение слова содержит оценку, если в его сигнификативное значение входит компонент «это плохо» или «это хорошо». Слово *белобрысый* содержит отрицательную оценку потому, что его можно представить как компоненты «блондин», «это плохо» (ср. со словом *блондин*, которое никакой оценки не содержит). Наибольшая трудность заключается в том, чтобы, обнаружив, что значение используется в иронических контекстах, разобраться, содержит ли оно компонент «это плохо» или же это внелингвистическая оценка, связанная лишь с понятием, ср. пример И. Кобозевой *скупой* и *скупердяй*. Разобраться в обозначенных проблемах появления оценочного значения религиозных лексем помогает диахронический анализ примеров, полученных корпусным методом. Результатом становятся компонентные толкования исследуемых слов — в первоначальных и позднейших иронично-оценочных значениях, а также сопутствующие выводы. Анализ слов *акафист* и *догма* показывает, что при переносе слова, в значение которого входят элементы «религия», «Бог», на обозначение не связанных с религиозной сферой денотатов появляется отрицательный компонент значения. В языковой картине мира определенное отношение к лицам, объектам, явлениям допустимо, только когда связано с Богом. Анализ особенностей употребления слова *альтруист* показывает, что идеи доброты, самоотверженности, жертвенности плохо сочетаются в русском языковом сознании с социальным, а не религиозным аспектом.

Третий раздел третьей главы посвящен принципам составления словника «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики». Для сложной проблемы отбора специализированной лексики, отграничения ее от нейтральной и от лексики других терминологических областей впервые предлагается корпусная методика решения. Предлагается рассматривать сравнительную частоту употребления лексемы в текстах определенного типа по сравнению с нейтральными текстами как критерий

ее терминологичности.

Четвертая глава «Методы корпусного микродиахронического описания единиц синтаксического уровня» состоит из двух разделов и заключения.

Первый раздел четвертой главы посвящен корпусному анализу кратких форм прилагательных цвета с точки зрения семантики, синтаксиса и стилистики. Полученные количественные данные, показывающие соотношение полных и кратких форм цветowych прилагательных, интерпретируются в связи с проблемой выбора между ними как по отношению к отдельным прилагательным, так и по отношению к различным значениям. Сопоставляется частотное соотношение кратких и полных форм цветowych прилагательных с подобным соотношением в других классах прилагательных, вводится понятие «коэффициент предикативности», отражающий соотношение атрибутивных и предикативных употреблений прилагательного.

Краткие формы прилагательных цвета существуют и употребляются регулярно, но значительно реже, чем краткие формы других качественных прилагательных, и с заметно большими ограничениями на сочетаемость, чем полные формы. Это связано с промежуточным положением прилагательных цвета между семантической атрибутивностью и предикативностью и тем самым между относительностью и качественностью. Частотным прилагательным цвета свойственно приобретать дополнительные значения, превращаясь в более качественные, но не в этом их особенность, это характерно для всех относительных прилагательных. Основная специфика прилагательных цвета связана с их прямым значением. В узком прямом значении они обозначают различительный признак и ведут себя как относительные, то есть сомнительным оказывается и использование образованных от них наречий,

и их краткие и сравнительные формы, и возможность сочетаться с наречиями меры и степени. Но есть две причины, благодаря которым они все же являются качественными. Во-первых, это наличие у прилагательных цвета регулярных употреблений в значениях, несколько отличных от прямого, возможность описывать не различительный, а временный цвет. Цветов много, они сопоставлены друг с другом, могут переходить один в другой, поэтому можно менять цвет, позеленеть или полиловеть, быть зеленым или лиловым от чего-то (например, от мха или от холода). При этом невозможно приобретать признак «деревянный» или «московский», быть деревянным или московским из-за чего-то. Во-вторых, даже постоянный, не недавно приобретенный цвет обладает зрелищностью, художественностью и, когда на первый план для носителя языка выходит это свойство цвета, а не его различительность, прилагательные цвета также превращаются в качественные, используются в предикативных кратких формах, образуют наречия и предикативы, причем, в отличие от относительных прилагательных, без перемены значения. Поэтому особую роль данные формы играют в поэтических текстах, в которых они используются и в прямом значении для создания живописного и эмоционально нагруженного зрительного образа. Чтобы разобраться в том, какие формы можно считать поэтическими, в разделе вводится «коэффициент поэтичности», высчитываемый корпусными методами.

Выбор между полной и краткой формой прилагательного в позиции сказуемого для прилагательных цвета определяется сложными смысловыми факторами и относится к «семантической вариативности».

Второй раздел четвертой главы посвящен синтаксису деепричастий, а именно идущему сейчас процессу отказа от ограничений на абсолютивную конструкцию. Эта синтаксическая конструкция с момента появления в России первых кодифицирующих предписаний в середине XVIII века и до сих пор уверенно отвергается нормой, но

регулярно используется в речи носителей, в том числе тех, чьи тексты считаются образчиками литературного языка, например Тургенева. На основе предписаний грамматистов — Ломоносова, Барсова, Востокова, Греча, Буслаева, Чернышева, Пешковского, Шахматова, Шведовой, Ицковича — и корпусных исследований в работе показана хронология изменений соотношения нормы с узусом для этой синтаксической конструкции с XVIII века по наши дни. История абсолютивной деепричастной конструкции разделена на пять этапов. Приводятся корпусные данные, показывающие отсутствие или наличие этой конструкции в языке писателей: Ломоносова, Фонвизина, Толстого, Чехова, Достоевского. Показано, что лишь на предпоследнем «советском» этапе, на основе советского стремления к жесткой нормативизации речи, у культурных носителей языка сформировался «традиционный регистр» восприятия деепричастия, обладатели которого воспринимают абсолютивные конструкции как выражено ненормативные: для них подлежащее автоматически воспринимается как обозначающее семантический субъект действия, выраженного деепричастием. Далее, после 90-х годов XX века, «традиционный регистр» начинает разрушаться. В работе приводятся примеры абсолютивных конструкций из речи наших современников разного возраста, в том числе заведомо являющихся носителями именно литературного языка. Делается вывод о том, что на современном «этапе цифровых коммуникаций» «традиционный регистр» активно вытесняется «свободным регистром», не предполагающим синтаксических правил о том, как определять семантический субъект деепричастия, а ограничивающимся выведением субъекта из контекста и часто связывающим его с прагматическим субъектом. То есть смена регистров восприятия деепричастия — это смена интуиции носителей языка в отношении этой формы. Хотелось бы решить вопрос о том, каков статус этих регистров. Ведь в уже ставшем традиционным тройном

противопоставлении «система — норма — узус» понятие «интуиция носителей языка» не учитывается. По всей видимости, ближе всего введенное понятие регистров языковой интуиции к понятию «система», наиболее неопределенному из этой трихотомии. Поэтому абсолютивные деепричастия в современном языке относятся к «системной аномативности».

В заключение вынесены основные результаты, касающиеся конкретных рекомендаций по корпусному микродиахроническому анализу для русистов, в том числе нижеследующие.

Временные интервалы, которые следуют учитывать, зависят от частотности рассматриваемого явления и могут отсчитываться двумя методами: по годам или по разного типа этапам развития языка. Хотелось бы, чтобы методика корпусных исследований русского языка разных авторов сближалась, поскольку тогда облегчится возможность видения общей картины развития макропроцессов через работы о разных микропроцессах. С этой целью при методике первого типа рекомендуется делить исследования на временные интервалы по 50 лет, начиная с кратных десяти и заканчивая девятым годом (например, 1900-1949, затем 1950-1999 и т.д.), а если материал позволяет, то на интервалы по 25 лет (1900-1924, затем 1925-1949 и т.д.) или по 10 лет (1900-1909, 1910-1919 и т.д.). При исключительно годовом принципе разбиения интервалы удобно объединять по векам.

При любых статистических микродиахронических исследованиях следует учитывать объем корпуса исследуемого периода и соотношение исследуемых единиц с теми, с которыми они связаны, сосуществуют, что порождает введение различных процентных характеристик и различных коэффициентов. Так, чтобы численно выразить, насколько данная форма употребительнее в поэзии, чем в прозе, вводится коэффициент

поэтичности, учитывающий как количество употреблений единицы в двух разных типах текстов, так и соотношение объемов рассматриваемых корпусов. Чтобы численно выразить соотношение деепричастий определенного типа с другими деепричастиями у конкретных авторов, было предложено учитывать общую частотность деепричастий у каждого из писателей и в результате были введены два специфических коэффициента.

При коэффициентах и процентных характеристиках следует указывать количество подсчитываемых единиц, потому что при малых количествах достоверность падает. Малочисленные данные интересны и показательны, подлежат фиксации и анализу, но имеют иной вес, чем статистически релевантные данные. Отклонения от массовых вариантов в количестве нескольких единиц следует учитывать; в количестве нескольких десятков такие отклонения уже могут быть свидетельством вариативности; отклонения от пятидесяти единиц безусловно свидетельствуют о вариативности, но с учетом того, что любые отклонения от массовых единиц требуют индивидуального анализа. Так, следует подсчитывать соотношение стилистически выделенных единиц; единиц, фигурирующих в цитатах, в том числе скрытых, и во фразеологизмах; в поэзии и религиозных текстах — о реальной вариативности свидетельствуют лишь «свободные» от всего перечисленного употребления.

Отражение в публикациях

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в журналах высокого уровня, рекомендованных НИУ ВШЭ

Добрушина Е. Р. Абсолютность *добра* и относительность *блага* или наоборот? // Вестник ПСТГУ. Филология. N1 (15). 2009. С. 25-40.

Добрушина Е. Р. В защиту единой абстрактной семантики глагольных приставок. // Вестник ПСТГУ. Серия III Филология III:4(22). М., 2010. С. 99-102.

Добрушина Е. Р., Литвинцева К. В., Польсков К. О., Хангиреев М. А. От «аббата» до «аналоя»: фрагмент лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики. // Вестник ПСТГУ. Серия III Филология III:3(25). М. 2011. С.119-148.

Добрушина Е. Р. К проблеме семантической целостности русских глагольных приставок. Вопросы языкознания. 2011 г. № 5. С. 31-44. 1 а.л.

Добрушина Е. Р., Литвинцева К. В., Польсков К. О., Хангиреев М. А. От «анамнесиса» до «апокрифа»: фрагмент лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики. // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2012. Вып. 2(28). С.103-118.

Добрушина Е. Р. Словарь христианской лексики: состав словника // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2012. Вып. 3(29). С.105-113.

Добрушина Е. Р., Литвинцева К. В., Польсков К. О., Хангиреев М. А. От «апостола» до «аутодофе»: фрагмент лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики. // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2012. Вып. 3(29). С.114-136.

Добрушина Е. Р., Поляков А. Е. Корпус церковнославянского языка: возможности, методы создания, перспективы. // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2013. Вып. 1(31). С.32-44.

Добрушина Е. Р. Норма-кодификация против нормы-интуиции, или Двести лет вместе с ихней. // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2(26). С. 181-204.

Добрушина Е. Р., Сичинава М. В. Кочующая норма или микродиахронические похождения слова ихней в русском, украинском и белорусском языках // Вопросы языкознания. 2015 г. № 2. С. 41-54. 0,5 а.л.

Добрушина Е. Р. Современная русистика и грамматика конструкций. // Вопросы языкознания. 2016 г. № 1. С. 133-145. 0,5 а.л.

Пожарицкая С. К., Добрушина Е. Р. Орфоэпический взгляд на некоторые вариантные явления русского литературного языка в эпоху корпусной лингвистики. «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М. 2017. 0,5 а.л., v. 2: 372.

Добрушина Е. Р., Сидорова М. И. Число предиката в конструкциях типа «те/все, кто пришел/пришли» и падеж вершины — корпусное исследование // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2019. Вып. 59. С. 22-35.

Добрушина Е. Р. Абсолютивные деепричастия: норма и узус, микродиахрония и современное положение. Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2020. Вып. 63. С. 9-18.

Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р. Языковая игра с падежным окончанием -ов или Как падонки сменились котиками // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 81-88.

Публикации в виде монографий

Добрушина Е., Пайар Д., Меллина Е. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. Москва, «Русские словари», 2001, 270 стр.

Добрушина Е. Р. Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М., ПСТГУ. 2014. 268 с. 14 а.л.

Пограничный русский. Как рождаются экспрессивные кванторные выражения?», под ред. Е. Р. Добрушиной, Я. Э. Ахапкиной. 2018. 170 стр.

Публикации в журналах, сборниках статей, коллективных монографиях, материалах конференций и других изданиях

Добрушина Е. Р. О видах поддакивания // Вестн. Моск. Ун-та. Серия 9. Филология. N2, 1995.

Добрушина Е. Р. Когда ДА и НЕТ значат одно и то же // Труды Международного семинара «Диалог 96» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Пущино, 4-9 мая 1996. М., 1996. С. 83-87.

Добрушина Е. Р. Способы выражения верификации в современной русской диалогической речи // Синтаксис: изучение и преподавание. М., 1997. С. 196-210.

Добрушина Е. Р. Бьют ли фонтан и часы одним и тем же БИТЬ? Проблемы семантического описание многозначных языковых единиц. // Диалог 2000. Dialog'2000. Computational Linguistics and its Applications. International Workshop. Т.1. Протвино. 2000.

Добрушина Е. Р. Существует ли симметрия значений слов ДА и НЕТ? // Диалог 2001. Dialog'2001. Computational Linguistics and its Applications. International Workshop. Таруса. 2001.

Добрушина Е. Р., Пайар Д. Полисемия в зеркале разных семантических школ (Московская школа семантики и французская

формальная школа) // *Historical Destiny and Present State, The International Congress of Russian Language Researchers, Moscow, Moscow State University, Faculty of Philology, March 13-16, 2001, 4 page.*

Добрушина Е. Р., Пайар Д. Семантические механизмы взаимодействия приставки и глагольной основы (основа КАЗ). *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik: 5 Internationale Konferenz der Kommission für Slavische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee / Swetlana Mengel (Hrsg.). — Munster; London; Hamburg: LIT, 2002. S. 263-280.*

Добрушина Е. Р. Что значит НЕТ // *Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство, составители Киселева К., Пайар Д, Москва, «Азбуковник», 2003, 48 стр. С. 146-193.*

Добрушина Е. Р. Акафист догматическому альтруизму, или Об оценочных переносах значения религиозной и философской лексики. // *Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки 2008. С. 92-106.*

Добрушина Е. Р. *Видев и увидя: жизнь и смерть деепричастий, образованных по непродуктивным моделям. Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 15-33.*

Добрушина Е. Р. Крестить или покрестить: в поисках причин победы узуса над нормой // *Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры. Материалы международной конференции 18-20 июня 2009 года. // Под ред. О. В. Фокиной. М.-Ярославль: Ремдер, 2009 — 588 с.- С.147-151.*

Добрушина Е. Р. Метафорическая приставка или периферийное воздействие (к вопросу о семантике приставки о-/об(о)-). // *Вопросы русского языкознания. Вып. 13. Фонетика и грамматика: настоящее, прошлое, будущее: к 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. Издательство Московского университета 2009. С. 264-270.*

Добрушина Е. Р. Оживление внутренней формы приставочных лексем в религиозных текстах. // IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык. Исторические судьбы и современность». Филологический факультет МГУ им. Ломоносова. Москва. 20-23 марта 2010 года.

Добрушина Е. Р., Иванова-Алленова Т. Ю., Поляков А. Е. Корпус Церковнославянских текстов в составе НКРЯ, первая версия: проблемы и решения. Материалы конференции «Еl'Manuscript-12. Информационные технологии и письменное наследие», Петрозаводск, 3-8 сентября 2012 года, 2012. С. 92-95.

Добрушина Е. Р. Экспансия лексики «ихний» — история, современность и прогнозы. Тезисы. // XXIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. — 417 с. С. 310-311.

Добрушина Е. Р. Присчетные слова. // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. Сборник материалов конференции 9-12 апреля 2013 г. Санкт-Петербург 2013. С. 70-75.

Добрушина Е. Р., Кравецкий А. Г., Поляков А. Е. Корпус и частотный грамматический корпусный словарь церковнославянского языка в составе НКРЯ // Национальный корпус русского языка: 10 лет проекту / Под ред В. А. Плунгяна // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 6 — М., 2015. С. 116-141. Объем 1,2 а.л.

Борзенко Е. О., Добрушина Е. Р. Интенсификаторы семантики предикатов: окказиональные формы сравнительной степени от глагола в современном русском узусе (*люблю люблее*) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. Выпуск 1. М.: РУДН, 2017. С. 26-39.

Добрушина Е. Р. Ненормативное употребление деепричастий как переход от синтаксического регистра к семантическому. // XXX Ежегодная

богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. — 296 с. С. 171-174.

Добрушина Е. Р. Краткие прилагательные цвета: опыт корпусного анализа. // Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий / Отв. ред. В. В. Казаковская, М. Д. Воейкова. — М.: Издательский дом ЯСК, 2020. — 484 с. С. 356-395.

Добрушина Е. Р. Поддаются ли *-вши* корпусному анализу? // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плунгяна / Ред. А. А. Кибрик, Кс. П. Семенова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева. — М.: «Буки Веди», 2020. — 684 с. С. 540-547.

Борзенко Е. О., Добрушина Е. Р. Грамматика языка котиков. // XXXI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2022. — 259 с. С. 232-234.